

Список использованной литературы:

1. Конституція України. Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Ст. 141.
2. Шепитько В.Ю. Криміналістика: курс лекцій. Харків: Одиссей, 2003. 352 с.
3. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследований. Методика расследования преступлений. М., 1997. 102 с.
4. Зав'ялов С.М. Спосіб вивчення злочину: сучасні проблеми вивчення та використання у боротьбі зі злочинністю: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.09. К., 2005. 19 с.
5. Овечкин В.А. Расследование преступлений, скрытых инсценировками: учеб. пособ. Харків: Юридический институт, 1979. 64 с.
6. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. 215 с.
7. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Х.: Вища школа, 1982. 161 с.
8. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 2001. 517 с.
9. Сафронов С.О. Методика розслідування умисного заподіяння тяжких і середньої тяжкості тілесних ушкоджень: наук.-практ. посібник. Харків, 2003. 175 с.
10. Криміналістика: підручник: у 2 т. Т.2/А.Ф. Волобуєв, О.В. Одерій, Р.Л. Степанюк та ін.; за заг. ред. А.Ф. Волобуєва, Р.Л. Степанюка, В.О. Малярової; МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ. Харків, 2017. 312 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганжа Татьяна Викторовна – соискатель кафедры криминалистики и судебной экспертологии Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganzha Tatiana Viktorovna – Applicant at the Department of Criminology and Forensic Expertology of Kharkiv National University of Internal Affairs

vasili41900@gmail.com

УДК 340.12

ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНОЕ И СЕНСИБЕЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ МЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

Игорь КОВАЛЬ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и философии права
Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Елена КОВАЛЬЧУК,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и конституционного права
Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Оксана РАТУШНА,

старший преподаватель кафедры истории Украины и этнокоммуникаций
Института гуманитарных и социальных наук
Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению философии ментального права. Человека с точки зрения самого его бытия в естественно-правовом пространстве изучает философско-правовая антропология. Для эмпирического направления современной юридической антропологии авторитет внешнего наблюдения и восприятия признается, по сути, безусловным, поскольку результаты деятельности мышления в процессе познания права должны подтверждаться эмпирическим наблюдением.

Ключевые слова: интеллигибельный, сенсигельный, правовой менталитет, агностицизм, философия ментального права.

INTELLIGIBLE AND SENSIBLE COMPREHENSION OF MENTAL LAW PHILOSOPHY

Igor KOVAL,

Candidate of Law, Associate Professor
at the Department of Theory and Philosophy of Law of Institute of Law and Psychology of the National University "Lviv Polytechnic"

Elena KOVALCHUK,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International and Constitutional Law of Institute of Law and Psychology of the National University "Lviv Polytechnic"

Oksana RATUSHNA,

Senior Lecturer of the Department of History of Ukraine and Ethnocommunications of Institute of Humanities and Social Sciences of the National University "Lviv Polytechnic"

SUMMARY

This article is devoted to the study of the philosophy of mental law. From the point of view of his very being in a natural-legal space, a person is studied by philosophical and legal anthropology. For the empirical direction of modern legal anthropology, the authority of external observation and perception is recognized, in fact, unconditional, since the results of thinking in the process of knowledge of law must be confirmed by empirical observation.

Key words: intelligible, sensible, legal mentality, agnosticism, philosophy of mental law.

Постановка проблемы. Исследовать существование человека и его взаимодействие с другими людьми в определенных пространственных пределах несколько проблематично, поскольку нет единой, общепринятой концепции понимания природы и сущности самого человека, имеющиеся концепции не только различные, а иногда прямо противоположные по своему содержанию и направленности. В тоже время разное понимание природы и сущности человека автоматически вызывает разное понимание таких фундаментальных естественно-правовых и общественно-правовых феноменов, как мораль, правовое поведение, правовой менталитет и ментальность, в конце концов, право.

Состояние исследования. Проблема менталитета и правового менталитета в научной литературе исследовалась как украинскими, так и зарубежными учёными. Известными исследователями в этой сфере являются Р. Байниязов, А. Бандурко, М. Козюбра, А. Колодий, Ю. Лобода, Д. Меняйло, В. Мордовцев, Ю. Оборотов, С. Овчинников, М. Панов, А. Петришин, В. Синюков, Ю. Тодыка.

Цель статьи – выработать подходы к определению философии ментального права.

Изложение основного материала. Давно замечено, что явления культуры имеют два плана: материальный и нематериальный, проникновение в который происходит через освоение знакового языка видимого плана, доступного органам чувств. Эта особенность культуры была впервые осознана как специфика искусства еще философами-неоплатониками флорентийской школы, которые отмечали, что любая вещь, кроме своего природного бытия, имеет еще так называемое идеальное бытие, согласно которому она была создана богом в первом уме; любая причина, которая производит с помощью искусства и ума какой-нибудь результат, имеет в себе сначала прообраз той вещи, которую желает сделать. Эту форму платоники называют идеями и образом и считают, что заключенная в уме архитектора форма здания имеет более совершенное бытие, чем само здание, построенное затем из камня, дерева и т.п. Это первое бытие называют бытием идеальным

или интеллигибельным (умозрительным), а второе – бытием материальным или сенсильным (воспринятым чувством).

Из глубин сознания появляются на свет фундаментальные данные, а эстетические и космические идеи делают очевидным как раз то, что не является для людей.

Образы мироощущения, однако, меняются со временем. И поэтому «только люди, не обладающие утончённой способностью проникаться вещами, могут думать, что они в состоянии без особого труда понимать все то, что достигает глубины веков. Реконструкция скрытых идей – тяжкий труд не только для дилетантов, но и для профессионалов: историков, филологов, культурологов. Но иногда в обществе в определённый момент будто открываются «клапаны» восприятия, и тогда пробуждается активный интерес к тем или иным явлениям прошлого.

В контексте интеллигибельного и сенсильного осмысления явлений важно подчеркнуть использование термина «агностицизм». Он введён в середине XIX в. для обозначения непознаваемости того, что не может быть обнаружено непосредственно как сенсильное (предмет чувственного восприятия), и на этом основании ложности всего интеллигибельного (предмет умственного восприятия, а не сенсильного). Корни такой позиции уходят вглубь веков. По словам Протагора, о богах невозможно знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни как они выглядят, потому что есть препятствия знанию: и неуверенность предмета, и краткость человеческой жизни и тому подобное. Античные философы (в основном софисты) подтверждали позицию ссылками на несовершенство, изменчивость, субъективность, относительность и постоянный пересмотр знаний. Итак, несовершенство природы человека, ограниченность его жизненных сил и познавательных способностей делает предельные причины и цели его жизни непостижимыми для него самого.

Отметим, что следует отличать агностицизм от античного скептицизма. В философии скептицизма отрицается истинное как предмет мысли, то есть релятивизируется всякое бытие, неважно – сенсильное или интелли-

гибельное. На этом основании скептики, придерживаясь гераклитовской позиции «все течёт», предлагают употреблять вместо «существует» слово «кажется». Для агностицизма, напротив, характерно понимание истинного как вполне сенсильного бытия, так что сомневаться стоит только в бытии интеллигибельного [2].

Традиция агностицизма берет начало в философии Беркли, который считал, что человеку невозможно выйти из своего опыта, чтобы решить вопрос об отношении этого опыта к фактам действительности. Вслед за ним Юм выступил с последовательным отрицанием истинного познания, начиная с критики основного закона познания – причинности, которая, на его взгляд, является лишь представлением, характеризующим восприятие мира человеком. Человеческое познание, с этой точки зрения, – цепь субъективных опытов и придумывания к ним предположений, причём ставится цель свести последние к минимуму (идеал – математическое естествознание). Юм насчитывал три «ряда опытов»: впечатление, вера в существование предмета и идея. Впечатления возникают из чувственного опыта. Повторяемость одного впечатления ведёт к вере в существование того или иного предмета. Идеи представляют собой яркие впечатления. Все интеллигибельное, то есть чисто мировоззренческие вопросы, оказывается лишённым смысла. Например, вопрос об объективной реальности сенсильных предметов выходит за пределы чувственного опыта, поэтому спрашивать: существуют ли тела, бесполезно. Немецкая классическая философия преодолевает позицию Юма, говоря не об одном, а о двух источниках познания. Так, по утверждению Канта, познающий субъект не может выйти не только за пределы чувственного опыта, но и за пределы мира интеллигибельных объектов (нельзя помыслить немислимое). Поэтому имманентное знание необходимо дополнять знанием трансцендентным. Фактически работа Канта по описанию познания как выстраивания мира (феноменов) и избежания вопрошания о мире вообще (вещь-в-себе) лежит в русле, заданном Юмом [2].

Существенный вклад в эволюцию агностицизма внесло «открытие» сфер,

участие сознания в которых ограничено (в частности, воля или бессознательное, интуиция).

Агностицизм развивается в позитивизме, неопозитивизме и постпозитивизме как конвенционализме – признание, что невозможно проверить понятие на практике, оно – функция от соглашения сообщества познающих, а не от факта действительности. Традиция позитивизма, порывая с метафизикой, продолжает линию юмовского агностицизма. Идеалом истинного знания позитивизм провозглашает опытное познание естественных наук, отрицая гносеологическую ценность интеллигибельных объектов. Прагматическая философия и критический реализм рассматривают истину как производную нерелексивной веры. Крайней степени агностицизм достигает в современной философии, призывающей отказаться вообще от понятия реальности и рассматривать только различные модификации человеческого сознания и языка в их относительности.

Правовой менталитет, который находится в правовом поле, экзистенциальном измерении и естественно-правовом пространстве, человек должен понять своим умом и чувствами, то есть путём интеллигибельного и сенсительного осмысления. Прежде всего постижения человек осуществляет собственными усилиями, преодолевая экзистенциальные проблемы, чтобы добраться до ценностей правового менталитета в человеческой жизнедеятельности. По нашему мнению, такое постижение метаантропологии правового менталитета полно осуществляется через мотивы, которым предшествует интерес.

Формирование личности – сложный, противоречивый процесс взаимодействия человека и окружающей, прежде всего социальной, среды. Развивается он по «спирали», то есть меняется не только естественная и социальная действительность, но и сама личность, потому внешним проявлением потребности есть интерес.

Понятие интереса трактуют по-разному, что обусловлено многоаспектностью этой категории. Например, можно интересоваться чем-то и быть заинтересованным в чём-то. Это разные вещи, хотя и взаимосвязанные. По психологическим подходам интерес

является специфической направленностью личности, лишь опосредованно обусловленной осознанием её общественных интересов. Интерес – это сосредоточенность мыслей на определённом предмете, вызывает стремление ближе ознакомиться с ним, больше углубиться в него [4]. Интерес можно трактовать также как общественные отношения, поскольку они возникают между личностями по поводу предмета потребности [5].

Интерес, с одной стороны, субъективный, поскольку его носителем является человек, с другой стороны – объективный, поскольку все-таки создаётся экономическими отношениями людей. Интерес проявляется только через сознание человека. Проникнув в человеческое сознание, он становится мотивом к достижению цели [10, с. 83]. Интерес выражается в желании ознакомиться с определённым объектом или предметом, именно поэтому он является мотивом деятельности. Важное свойство интереса – это его направленность на тот или иной предмет. В отличие от потребностей, которые сначала сознательно могут быть и не связаны с объектом, интересы всегда осознанные и направлены на предмет. Интерес – это мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности [8, с. 210]. В интересе должны быть представлены оба момента. Чем выше степень сознания, тем существеннее влияет осознание объективной значимости тех процессов, к которым привлечён человек. Но это не должно отвергать эмоциональной привлекательности того, что вызывает интерес. Иначе будет осознание значимости обязанностей, но из-за слабой эмоциональной привлекательности интереса не будет.

Всего в мотивах (лат. «побуждать, приводить в движение») понимают такое понятие, описывающее сферу побуждений субъекта к деятельности, наряду с потребностями, интересами, установками, эмоциями, инстинктами. Мотив не всегда достигает осознания, скрываясь в бессознательном (психоанализ). Он может пониматься как предмет, который побуждает и направляет на себя деятельность и поступки, или как причина, лежащая в основе выбора действий и поступков и объясняет их

[3, с. 660]. Мотив (фр. «побудительная причина») – это осознанное побуждение (стремление) к осуществлению конкретных волевых действий или воздержанию от них (бездействие). В одних случаях мотивы побуждают к самому действию, в других – наступивших, совпадая при этом с целью воздействия или частично не отвечая ей. Будучи тесно связанными между собой, мотив и цель по-разному характеризуют волевой процесс, отражая различные его стороны. Определение мотива отвечает на вопрос: почему человек действовал именно так, чем он руководствовался; цель определяет направление действий и их предполагаемый результат. Мотив является опосредующим звеном между сознанием и волей личности, отражает нравственные позиции человека [11, с. 778].

Анализируя естественную сущность понятия мотива, приходим к выводу, что философско-правовые соответствия этого термина касаются набора приобретённых ментальных компонентов, которые при определённых волевых усилиях человека влияют на характер поведения человека на сознательном или (в основном) на подсознательном уровне. На сознательном уровне человек ставит перед собой цель: сознательно приобрести те ментальные черты, которые ему необходимы в жизни (например, в профессиональной деятельности). Этот процесс связан с упорной учёбой, добровольно осознанной необходимостью. На подсознательном уровне ментальные черты проявляются с помощью внешних факторов: воспитание, влияние семейной среды, профессиональных групп и тому подобное. Полученные таким образом ментальные черты не совпадают с целью мотива, поэтому не вытекают из волевых усилий человека.

Чтобы понять метаантропологию правового менталитета, понять и почувствовать его действие, человеку следует понять мотивы, которые обеспечивают жизнедеятельный процесс на обычном, предельном и внеграницном уровнях. Фактически надо понять теоретические сведения о попытках и возможности приобретения ментальных норм. Это лучше реализуется с помощью мотивов (сюда не входят природные ментальные нормы, которые являются неизменными).

Метаантропологические аспекты мотивов освещают некоторое множество причин конкретного поведения. Это множество содержит также мотивационные столкновения, то есть противоречивые, радикальные суждения, различные изменчивости и непостоянство в мыслях, чувствах, настроениях. Поскольку мотивы имеют индивидуальный характер, то избежать мотивационных столкновений можно путём удаления от обычного уровня менталитета к внеграницному. Ведь обычный мир материальный, в котором человек не всегда может понять свои потребности, требования. В предельном, особенно во внеграницном, постижение правового менталитета происходит приближенным к онтологическим требованиям. То есть каждый из трёх уровней метаантропологии имеет свой мотивационный климат, свои мотиваторы. Иначе говоря, выход человека во внеграницное естественно-правовое пространство формирует онтологические мотивы, которые помогают понять менталитет с природных позиций.

Мотивы делятся на рациональные (продиктованы потребностями) и эмоциональные; материальные и идеальные (религиозные, мировоззренческие и т.п.); этажные и такие, которые глубоко переживаются; ситуативные и такие, которые возникли давно и т.д. [11, с. 97–98]. Нам необходимо исследовать мотивы постижения правового менталитета.

Считаем, что в вопросах постижения важно различать собственный и несобственный правовой менталитет. В этих случаях существуют разные группы мотивов. По нашему мнению, основным в группе мотивов постижения своего менталитета следует считать ориентационный, а постижение менталитета ближнего – коммуникативный. Конечно, каждая группа имеет свои мотивы, которые зависят от цели постижения.

Ориентационный мотив постижения правового менталитета имеет свою градацию: обыденно-предельный, внеграницный. Человек должен понять, что его менталитет направлен на естественность, онтологичность, правомерность и тому подобное. Вообще стоит себе ответить: как с этим менталитетом жить, не нужно ли пересмотреть его вариативную часть, дополнить новыми

компонентами. Возможно, это касается собственного обычного менталитета, который богат на различные мотивы, но ориентация должна быть одна – онтологичность. Аналогичная ситуация с другими метаантропологичными измерениями. В частности, ориентационный мотив предельного должен быть направлен на то, что естественно обоснованным является направление попытки выхода из обычного состояния. Ведь иногда человек считает свою ментальность выше обычной, повседневной жизни и не хочет к ней возвращаться ни при каких условиях. Примером могут служить случаи пренебрежения сельской ментальности городским человеком – выходца из села, что является негативным явлением. Во внеграницном пространстве нужно понять, что человек делает там со своим менталитетом. Ярким примером является тот случай, когда человек занимает определённую духовную должность, творит духовную культуру, учит других со многими онтологичностями в своём менталитете.

Коммуникативный мотив постижения правового менталитета хоть и касается собственной персоны (случай самокритики), но больше проявляется в оценке людей из близкого окружения: чужие недостатки всегда лучше видно. Однако человек хочет общаться, контактировать с другими людьми тогда, когда их ментальность не является резко противоречивой, а наоборот – в большинстве вопросов совпадает. Коммуникативный мотив не нужно постигать во всех метаантропологичных измерениях. К тому же постичь его в предельной или внеграницной части невозможно. Коммуникации между людьми, как правило, осуществляются на обыденном уровне.

Кроме мотивов, постижение метаантропологии правового менталитета осуществляется через мотивацию.

Мотивация – внутреннее побуждение к действию, которое приводит субъективно-личностную заинтересованность индивида к её осуществлению. Мотивация поведения тесно связана с такими характеристиками идеальной стороны действия, как намерение, цель, стремление, и её следует отличать от внешних стимулов и реакции на них [6, с. 615], это активные состояния психики, побуждающие

человека совершать определённые действия. Основные характеристики мотиваций – интенсивность и устойчивость [7, с. 660], это: 1) внутренний (психологический) процесс (механизм) возникновения побуждений, основанных на потребностях, интересах, чувствах, эмоциях и т.д., динамика их развития через влечения, желания, стремления действовать в намеченном направлении; 2) результат формирования мотива и обоснование (аргументация) на этой основе волевого акта, его психологической причины. Мотивация поведения включает сознание человека, его отношение к себе, другим людям, обществу в целом, существующих в них моральных и правовых требований, соотнесение с ними имеющихся мотивов и побуждений при выборе форм и средств удовлетворения потребностей, в частности преступлений (общественно опасных и противоправных) [11, с. 779].

В контексте исследования менталитета мотивация трактуется как процесс выбора между различными возможными действиями, процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение специфических для этого мотива целевых состояний и поддерживающий эту направленность. Мотивация – это не единственный процесс. Она состоит из различных процессов, осуществляющих функцию саморегуляции на отдельных фазах поведенческого акта. От мотивации зависит, как и в каком направлении будут использованы различные функциональные способности, влияющие на формирование ментальности [1]. Мотивацией также объясняется выбор между различными возможными действиями, между различными вариантами восприятия и возможными содержаниями мышления, кроме того, его объясняется интенсивность в осуществлении выбранного действия и достижении результатов [9].

Если мотивы признаются внешними, умственными факторами, то мотивации свойственны внутренние, чувственные факторы, чтобы раскрыть мотивацию поведения человека, в мотивационной сфере нужно выявить внутренние (духовно-душевные) стимулы, движущие силы и психическую реакцию на них. Внутренние стимулы поведения больше касаются подсозна-

тельной зоны, содержат много информации, в том числе и ментальной, правовой, моральной и тому подобное. Чтобы понять компоненты правового менталитета, необходимо понять внутренние процессы, которые происходят в человеке, что является сложной задачей. Но в этих процессах находится ментальность, которая сформирована мотивациями.

Н. Подольчак исследовал, что на мотивацию влияют следующие аспекты: опыт, эмоции, ценности, ожидания, потребности. Суть теории сводится к формированию и подкреплению положительного опыта, управлению настоящим (эмоциями, потребностями, ценностями) и определению благоприятного будущего. Эти факторы влияют друг на друга и свободно формируют ситуацию. При этом один из выделенных элементов теории мотивации может иметь решающую зависимость от факторов внутренней и внешней среды, или уникальной комбинации элементов в каждый момент времени [7, с. 10].

Выводы. Конечно, не все упомянутые учёными факторы являются ментальными, но в той или иной степени они влияют на него, поэтому по их проявлениям можно понять некоторые элементы правового менталитета. Но эти постижения полностью можно осуществить во внеграницном бытии, выбрав целесообразные формы и методы, которые соответствуют условиям интеллигибельности и сенсигельности, а следовательно, условиям сущности и существования метаантропологии правового менталитета. Интеллигибельные и сенсигельные постижения метаантропологии правового менталитета являются трансцендентальными. Только с помощью трансцендентального мышления можно узнать настоящую карту ментальных структур, понять видимые влияния одного менталитета на другой, дать реальную оценку поведения человека, выделив при этом ментальные причины.

Список использованной литературы:

1. Алстед Я. Психология, социология, общество: модели мотивации. Социологические исследования.

Москва: Наука, 2002. № 9 (221). С. 17–28.

2. Виндельбанд В. История древней философии. Киев: Тандем, 1995. 368 с.

3. Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грищанов. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 1312 с.

4. Иванец Г.И. Взаимосвязь интересов с целями, мотивами и волей. Право и политика. 2001. № 7. С. 76–78.

5. Князева Е.Н. Саморефлективная синергетика. Вопросы философии. 2001. № 10. С. 99–113.

6. Новая философская энциклопедия: в 4т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Науч.-ред. совет; предис. В.С. Степин, замест. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. Москва: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.

7. Подольчак Н.Ю. НЕVEN теорія мотивації. Економіка: реалії часу. 2016. № 26. С. 6–12.

8. Теория общества / под общ. ред. А.Ф. Филиппова; пер. с нем., англ. Москва: КАНАН-прес-Ц, 1999. 416 с.

9. Файзулаев А.А. Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент, 1987. 204 с.

10. Цимбал Т.В. Буттєвісне укорінення людини. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2005. 220 с.

11. Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. Київ: «Укр. енцикл.», 1999. Т. 2: Д–Й. 744 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коваль Игорь Мирославович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»;

Ковальчук Елена Богдановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и конституционного права Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»;

Ратушна Оксана Мирославовна – старший преподаватель кафедры истории Украины и этнокоммуникаций Института гуманитарных и социальных наук Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koval Igor Miroslavovich – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Theory and Philosophy of Law of Institute of Law and Psychology of the National University “Lviv Polytechnic”;

Kovalchuk Elena Bogdanovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International and Constitutional Law of Institute of Law and Psychology of the National University “Lviv Polytechnic”;

Ratushna Oksana Miroslavovna – Senior Lecturer of the Department of History of Ukraine and Ethnocommunications of Institute of Humanities and Social Sciences of the National University “Lviv Polytechnic”

kovalmr@ukr.net